

Лючия РИКЕТТИ

Лючия Рикетти (*Кузнецова Светлана Сергеевна*) родилась в местечке Подороск Волковысского района Гродненской области, в семье служащих. Окончила Гродненский политехникум, факультет «Промышленное и гражданское строительство». В 1978 году заочно окончила Архангельский лесотехнический институт по той же специальности. С 8-го класса вела дневник. Это переросло в увлечение сочинительством. В 2007 году судьба забросила в Италию. Жизнь на Апеннинах не отличалась разнообразием, и чтобы добавить в неё красок, вновь начинает вести дневник. В 2009 году принимает участие в литературном конкурсе русскоязычной европейской газеты «Слово» с рассказом «Немое притяжение» и неожиданно становится обладателем Гран-при. В последствии продолжает развивать своё увлечение прозой. Живёт в Гродно. Пишет на русском языке.

Немое притяжение

Немое притяжение –

Земля – Луна.

Немое притяжение –

Ты и я.

Немое притяжение –

Забывтая весна.

Немое притяжение –

Слезы в три ручья.

Немое притяжение –

Первый снег одной.

Немое притяжение –

Ты всегда со мной.

Немое притяжение –

Больше чем слова.

Немое притяжение –

Это навсегда.

Немое притяжение –

Как одна душа.

Немое притяжение –

Вместе никогда.

По натуре я – человек свободолобивый. Живу, как мне нравится. Ни к кому не привязываюсь и никого не подпускаю к себе близко. «Подпустишь – захочешь удержать, а удержать никого нельзя» (Эр. Мария Ремарк).

Такая жизнь меня очень устраивает. Женщины меня обожают. Я могу подцепить любую, которая мне понравится, и провести с ней вечер или два. Влюбляться, я ни в кого не влюбляюсь. Считаю, что любви нет, просто её придумали какие-то романтики, к которым я не отношусь. На жизнь надо смотреть трезво, а не сквозь розовые очки. Работа, деньги, развлечения...

На таких позициях я стою уже более 40 лет и не думаю их менять.

Но вот в доме у матери появилась новая баданта (сиделка). Она мне сразу не понравилась. Худое вытянутое лицо, тёмные волосы, длинный нос. Все это делало её строгой, неприступной, как мне казалось, высокомерной. Было видно, что она образованна, что у неё хорошие манеры.

Но она никогда, ни с кем не вступала в разговор, потому что очень плохо знала итальянский язык. Всегда ходила с опущенными глазами в шмотках на четыре размера больше её. Постоянно в брюках и широких свитерах. Наверное, скрывала недостатки своей фигуры и кривые ноги. Но однажды, правда, я заметил, что под этими шмотками скрывается не такое уж и бесформенное тело.

Мать сидела на террасе в кресле, а Настя (так звали нашу баданту) на корточках присела возле неё, выгнула спину, вытянула шею, разглядывая что-то с матерью в журнале; руками вцепилась в подлокотник кресла и была похожа на пантеру, приготовившуюся к прыжку.

Она выглядела гораздо моложе своих лет и вела себя так, как будто бы, действительно, ей не было столько лет, сколько на самом деле. Но она всегда почему-то прятала свои глаза – то ли стеснялась, то ли боялась, что мы увидим боль и тоску в её глазах.

Но всё-таки однажды мне удалось подшутить над ней. Я показал ей открытку. Она подняла глаза на открытку, и я их увидел. Это были печальные и какие-то очень необычные глаза.

Глаза, в которые мне опять и опять хотелось заглянуть, и я частенько подшучивал над ней, чтобы она почаще поглядывала на меня.

Я обратил внимание на её походку. Она не ходит, она просто летает. И улыбка у неё какая-то загадочная.

Я стал проявлять к ней маломальский интерес. Но она по-прежнему сторонилась меня и вела себя со мной очень официально. Это меня начинало злить. Я чувствовал, что прихожу к маме, чтобы видеть эту баданту, но почему, зачем мне нужно её видеть – этого я никак не мог понять.

У меня были женщины, с которыми я проводил время, и я был счастлив с ними. Но после всего этого счастья я с нетерпением ждал следующее утро, чтобы опять забежать к маме.

Настя же не проявляла ко мне никакого интереса. Такого безразличия ко мне ещё никто и никогда не проявлял. Мне хотелось, чтобы она обратила на меня внимание, чтобы она заметила меня, наконец, и я везде старался «пометить свою территорию»: то болтик брошу на лестнице, которую она убирает, то цветок положу на ступеньку, то ключи забуду на столе, то кофе пролью на салфетку. Мне хотелось, чтобы все кругом напоминало ей обо мне. Чувствовал, что рано или поздно она вычислит меня.

– Да она просто ступида (тупица), утешал себя я. – Да зачем мне её внимание. У меня есть всё для счастья: сегодня Луиза, завтра Мариза.

Но когда я остаюсь один, я думаю о ней. Мне даже стали сниться сексуальные сны, где мы с Настей вдвоём. И я просыпаюсь в холодном поту от счастья и от ужаса, и благодарю Бога, что это всего лишь сон. Странно – я хочу её и боюсь её. Она какая-то не такая как все, она притягивает меня, как магнит, и, в то же время, я боюсь прикоснуться к ней даже пальцем.

Иногда мне хочется, чтобы она уехала отсюда навсегда: не только из дома моей матери, но и из Италии, чтобы мои глаза её не видели. И в то же время боюсь той пустоты, которая останется после неё. Она возбуждает меня, и я бросаюсь на любую бабу, и в темноте шепчу её имя. А потом, обессилев и очнувшись, чувствую себя немного негодяем и, в то же время, победителем. А в душе злорадствую, считаю её униженной и оскорбленной.

Я живу полной жизнью и мне почти хорошо. Но, правда, по выходным дням Настя уходит из дома, куда – не знаю. А я схожу с ума. Я готов поднять на ноги весь городок, чтобы нашли её – где она, с кем она. Я в душе обзываю её последними словами и ненавижу её. Но, когда она приходит домой и смотрит на меня своим спокойным взглядом, я успокаиваюсь, но не верю ей, и иногда, не сдержав себя, специально в её присутствии мамину собаку называл «путаной».

Она явилась с другого конца света, вошла в наш дом, в мою жизнь, зачем, почему?.. «Не знал бы я её, не знал бы горького мученья» (А.С. Пушкин). И жизнь для меня протекала бы просто и бесцветно, а я бы всегда думал, что так и должно быть. Но во мне проснулась страсть, которая переполняла мою душу.

Однажды Настя сидела на ступеньках и занималась рукоделием, я сидел в кресле и исподтишка наблюдал за нею. Не просто наблюдал, а пожирал её глазами. Она почувствовала это и сделала движение рукой, как бы закрываясь от меня. А потом, когда она встала и прошла мимо меня, моё сердце ушло в пятки, и, казалось, я куда-то улетаю. Но тут я очнулся, снял очки, потер переносицу, поднялся с кресла и быстро ретировался. Интересно, что происходило со мной... Когда-то я читал, что когда люди любят друг друга, от них исходят невидимые волны света. И когда частоты этих волн совпадают, тогда и происходит нечто невероятное. Неужели это правда? Такое чувство, как любовь – оно и разуму не очень-то и подвластно.

Ну, а она? Что она чувствует?.. Она ничем не выдаёт себя. Правда, иногда я чувствовал её взгляд, как-то странно рассматривающий меня. Я делал вид, что не замечаю этого взгляда, и

она спокойно могла глазеть на мои волосы, на мои руки. Нет, её взгляд ничего не говорил, просто, она незаметно изучала меня.

Однажды, в воскресенье я не должен был приходиться к матери, но я пришёл специально пораньше. Настя дома не было. Мать сидела на террасе. Интересно, где же это она бродит. Мужика ищет, что ли? Так чем же я ей негоден. Всё ищет, ищет и даже не догадывается, а может, просто, не хочет знать, что она мне нравится, но сказать ей об этом у меня не хватает духа! Но ничего, сейчас я всё равно объяснюсь ей в любви. Где это та бабалья (слюнявчик, фартук), которую она всё прячет, на которой написано «**Ti amo. Ti amo**» (я люблю тебя).

Ага! Вот она. Сейчас повесим матери на шею. Вот-вот... слышу её шаги, порхает по лестнице, как птичка. Влетает на террасу, в недоумении останавливается, челюсть у неё отвисла, глаза выпучила, тарачится на бабалью и в недоумении спрашивает: «Это я что-ли бабалью?..»

Я, как ни в чём не бывало, выхожу на террасу и говорю: «Нет, нет. Я давал маме чай и не успел снять бабалью». Получилось, получилось! Я видел её смятение. Она быстро подошла к маме и сняла бабалью.

Сегодня у меня День рождения. Я ждал, что она мне что-нибудь подарит. Но она меня просто поздравила и преподнесла торт, который приготовила сама. Мне, конечно, было приятно. И я, вместо того, чтобы её поцеловать, подставил свою щеку. Для неё это было неожиданно, и она, смутившись, затаив дыхание, чуть-чуть прикоснулась губами к моей щеке. Я тут же подставил другую, и она опять еле-еле прикоснулась к моей щеке своими губами и холодным кончиком носа.

Да она даже не умеет целоваться! Я ничего не почувствовал! Вот пассия моя как присосётся, так, кажется, наизнанку меня вывернет. Вот это поцелуй! ...Странно, но мне почему-то хочется, чтобы она опять своими губами коснулась моей щеки.

Как-то в воскресенье Настя сказала, что едет на прогулку. Я согласился посидеть с мамой и сказал: «Да-да, конечно, поезжай».

Утром в воскресенье я, как всегда, пошёл в церковь на мессу. Не знаю почему, но я просил, молил Бога, чтобы он послал сегодня сильный дождь. И каково же было моё удивление, когда я вышел из церкви, на улице разразился настоящий ураган: сильный ветер и проливной дождь. После мессы я зашёл к маме и бросил Насте, как ни в чём не бывало: «Ну-ну, поезжай, поезжай». Она еле заметно улыбнулась и ответила, что сегодня меня отпускает на прогулку, а сама поедет в следующий раз. Но в следующий раз я не буду сидеть с мамой, если будет хорошая погода.

Каждый раз по утрам, за чашкой кофе, я сообщаю маме, что у меня опять сегодня поездка, и вижу, как Настя скептически улыбается. Я специально говорю это, чтобы её разозлить. Мне кажется, что ей не очень нравится, когда я уезжаю. Так же, наверное, как и мне – когда куда-то уходит она.

Иногда во время обеда я захожу к маме посмотреть, чем её сегодня потчевали. Посмотрел, перекинулся с матерью парой слов; переступаю порог, чтобы уйти, и тут почему-то мои ноги идут обратно. Я чувствую, как Настин взгляд, будто магнит, тянет меня назад. И я, как дурак, возвращаюсь обратно и на ходу придумываю какую-нибудь глупость, якобы заставившую меня вернуться. Я ловлю на её непроницаемом лице еле заметную улыбку. В душе я злюсь на себя, на неё, и никак не могу переступить этот порог, будь он неладен.

Как-то утром я шёл к матери и, зайдя во двор, услышал голос нашей баданты. Она с кем-то разговаривала во дворе и не просто разговаривала, а кокетничала. «Она с кем-то заигрывает!», – подумал я и выглянул из-за угла.

Настя стояла, опёршись руками на швабру, а перед ней сидели три здоровенных кота с растопыренными ушами. Она им что-то говорила, кивала головой, иногда взмахивала рукой.

«Хм!» А они сидели с выпученными глазами и внимательно слушали, как она им лапшу вешает на уши. Они даже ухом не повели, когда я проходил мимо. Обычно коты разбегаются в разные стороны, чувствуют, что у меня всегда есть желание схватить их за хвосты и швырнуть куда-нибудь подальше. На сей раз они даже не шелохнулись. Интересно, что она им плела. Наверное, обещала должность директора колбасного магазина.

У неё вообще, наверное, что-то с головой не в порядке. Она разговаривает даже с цветами. Летом она часто устраивает баню цветам. Льёт воду им «на голову». О! И я уже схожу с ума. Какая, к чёрту, у них голова?! Поливает их из лейки, смеётся, и мне кажется, что они тоже хихикают, барахтаясь под этим дождём. Не знаю, но мне, действительно, виделось, что они смеялись! Нет-нет, я не был пьян! Я не только видел, что они смеялись, но я даже слышал их смех! Нет! Я ещё не сошёл с ума, но пообщавшись с нашей бадантой, чувствую, что у меня скоро крыша поедет.

Так проходили дни за днями, недели за неделями, но всё это время между нами была дистанция, которую никто не мог нарушить. Мы так и жили на расстоянии друг от друга. Но я всё время чего-то ждал; что-то должно произойти.

И вот как-то вечером я возвращался со своей пассией из ресторана. По дороге мы остановились у кафе, чтобы купить сигареты. Моя спутница пошла за сигаретами, а я сидел в машине и смотрел, как падает снег. Под светом уличных фонарей снежинки были похожи на бабочек, кружащихся в лёгком танце. И вдруг тишину нарушил чей-то звонкий смех. Это был её смех. Так умела смеяться только она. Настя дурачилась с каким-то парнем, убегала от него, а он её догонял, обнимал и страстно целовал губы, глаза, волосы. Она вырывалась, смеясь и убегая, а он, догнав её, подхватил на руки и закружил в этом снежном вихре... Она обхватила его шею руками и прижалась к нему, как ребёнок.

...Я лихорадочно открыл бардачок, пошарил в темноте рукой и ...положив под язык таблетку валидола, рванул машину с места.

